

УДК: 340.2(075.8)

**ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ,
МАТВЕЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ «ДОКТРИНЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ»

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса. Введенная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности РФ» (Доктрина) представляет собой нормативный документ, обязательный для всех во времени в пространстве и по кругу лиц. Однако этот документ, по сути, лишь с определенным допуском характеризует статику общественных отношений, обеспечивает их и при этом исходит из предположения об их стабильности, определяя тем самым высокий уровень гомоморфизма Доктрины, который вытекает, прежде всего, из противоречивости используемых категорий.

Результаты. Определив Доктрину как «систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности РФ в информационной сфере», авторы, по сути, представили ее содержание в виде совокупности 5 разделов, не имеющих структуры, которая обычно включает в себя взаимосвязанные эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними.

Успешность такой Доктрины всегда подтверждалась использованием критериального метода, для которого характерен волюнтаризм в выборе критериев и другие существенные допуски, которые фактически устраняют возможность объективной оценки. По этой причине для оценки успешности Доктрины, она была рассмотрена в рамках категориально-структурно-системного метода. Категориальный уровень, позволяющий вскрыть несоответствие общепринятого смыслового наполнения используемых категорий их общепринятому пониманию.

Выявленные категориальные противоречия позволили уточнить представления об информационной безопасности как составной части национальной безопасности РФ.

Область применения результатов. Выявленное несоответствие использованных в Доктрине «официальных взглядов» позволяет отказаться от ориентации на стабилизацию реальных условий бытия, обеспечения информационной безопасности таких стабильных условий и перейти к обеспечению информационной безопасности как составной части национальной безопасности, которая должна охватывать не общественные отношения, весь спектр отношений в обществе.

Выводы: Использование общепринятых научных категорий, которые Указами Президента РФ принимают в качестве Доктрин правовой характер, когда они становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, является важным шагом по исключению неустранимых несоответствий обеспечивающей практику информационной безопасности как составной части национальной безопасности.

Ключевые слова: информация; безопасность; информационная безопасность; доктрина; категория; критерий; метод; официальный взгляд.

**DOMAKOV V. V.,
MATVEEV V. V.**

CATEGORICAL CONTRADICTIONS "INFORMATION SECURITY DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION"

ABSTRACT

Background: Introduced by Presidential Decree December 5, 2016 № 646 "Doctrine of Information Security of the Russian Federation" (Doctrine) is a normative document, binding on all the time and space for the public. However, this document is, in fact, only with a certain tolerance characterizes the static social relations, provides them with the proceeds from the assumption of their stability, thus defining a high level for the Doctrine of the homomorphism., Which implies first and foremost, of contradictory categories used.

Results: Defining Doctrine as “a system of official views on ensuring Russia’s national security in the information sphere,” the authors, in fact, presented its contents as a set of 5 sections that do not have a structure that usually includes interrelated empirical, theoretical, methodological and practical parts and the relations between them.

The success of such a doctrine always was confirmed using the criterion of the method, which is characterized by voluntarism in the selection criteria and other relevant approvals, which virtually eliminates the possibility of an objective assessment. For this reason, to assess the success of the Doctrine was considered under ktegorialno0strutkruno-system method categorical level, allowing to reveal the discrepancy conventional semantic content categories used their conventional sense.

Identified categorical contradictions clarified the concepts of information security as an integral part of Russia’s national security.

Application results: identify inconsistencies used in the doctrine of “official views” eliminates the focus on stabilizing the real conditions of life, to ensure information security of a stable environment and go to the information security as an integral part of national security, which should cover not public relations, the whole range of social relations.

Conclusion: The use of generally accepted scientific categories that Presidential Decree take as Doctrines legal nature, as they are binding on all the time, in space and on the number of persons is an important step to eliminate fatal inconsistencies providing practice information security as an integral part of national security.

Keywords: information; security; information security; doctrine; category; criteria; methods; formal look.

Формирование категориальных представлений в любой отрасли знаний, как правило, шло поступательно, удовлетворяя потребности своего времени.

Так, во второй половине XIX в. категория «доктрина» (от лат. *doctrina*) означала «учение, теория, система» [6, С. 423], где учение представляло собой «отдельную часть, отрасль науки, образующую нечто целое» [9, С. 333], теория – «умозрение, умозаключение; заключение, вывод из чего-либо, не по явлению на деле, а по выводам своим» [9, С. 229], а системой обозначали «план, порядок расположения частей целого, предначертанное устройство, ход чего-либо, в последовательном, связном порядке» [9, С. 62], т. е., по сути, структуру, которая всегда представляла собой «совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений между ними».

В первой половине XX в. «доктрина» стала представляться уже как «учение, т. е. «совокупность теоретических положений о какой-нибудь области явлений действительности» [25, С. 682], научную, т. е. основанную на принципах науки, отвечающую требованиям науки [25, С. 327], или философскую, т. е. науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления [25, С. 676], теорию» [25, С. 150], где сама теория определялась как «учение, система, т. е. определенный порядок в расположении связи частей чего-нибудь [25, С. 577] (по сути, структура¹), научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления» [25, С. 635].

В целом можно отметить, что такие представления категории «доктрина», по сути, лишь с определенным допуском характеризовали именно статику, обеспечивали ее и при этом исходили из предположения о ее наличии. Отсюда следовало, что любую доктрину как некую теорию можно, следуя Д. Гильберту, рассматривать как своего рода модель, которая по своей природе всегда гомоморфна.

Гомоморфизм «Доктрины информационной безопасности РФ» (Доктрина) как теории, прежде всего, определяется ее содержанием, которое включило в себя совокупность из 5 разделов: I. Общие положения. II. Национальные интересы в информационной сфере. III. Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности. IV. Стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности и V. Организационные основы обеспечения информационной безопасности и отражает «официальные взгляды на обеспечение национальной безопасности РФ в информационной сфере». Однако такие «официальные взгляды» обычно должны базироваться на проведенных научных исследованиях, которые как раз и составляют содержание, имеющее характерную для любой такой Доктрины – теории стройную структуру. Общепринято, что такая структура включает в себя взаимосвязанные: эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними.

В эмпирической части обычно должны выявляться противоречия практики и обеспечивающей ее старой Доктрины, вскрываться ее

¹ Вставлено нами.

несоответствие сложившейся практике обеспечения информационной безопасности и определяются проблемы, требующие своего разрешения.

Теоретическая часть, как правило, посвящена разработке теоретических положений, на основании которых становится возможным разрешить определенные эмпирической частью проблемы обеспечения информационной безопасности применительно к сложившейся практике.

В методологической части представляются методологические основы реализации разработанных теоретических положений обеспечения информационной безопасности применительно к сложившейся практике.

Наконец, в практической части разрабатываются правовые режимы обеспечения информационной безопасности применительно к сложившейся практике и даются примеры устранения материально-правовых основ негативных явлений.

Отсюда следует, что отсутствие в такой Доктрине взаимосвязанных эмпирической, теоретической, методологической и практической частей и отношений между ними превращает ее лишь в простую совокупность разделов, которые отражают лишь некоторые «официальные взгляды»: национальные интересы в информационной сфере; основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности; стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности и организационные основы обеспечения информационной безопасности и только.

Понятно, что степень успешности любой принимаемой доктрины, как модели с характерным для нее гомоморфизмом, существенно зависит от выбора метода ее оценки, в качестве которого обычно используется критериальный метод, основу которого составляло понятие «критерий». Обычно он выражается через интересующую характеристику (свойство) исследуемого объекта, которая, как правило, задается волюнтаристски, но при этом для убедительности получается либо экспериментально, либо расчетным путем, если имеется математическое описание этого объекта. Становится ясно, что при таком подходе волюнтаристский выбор критерия всегда легко может подтвердить высокое

качество любой доктрины, а ошибка в задании критерия могут привести к серьезным негативным последствиям, которые всегда можно при выявившемся отрицательном результате оправдать изменившимися условиями, ошибками ученых и т. п., но не самой доктриной.

Здесь следует дополнительно заметить, что численное значение критерия-свойства обычно называется показателем, каждому из которых взаимно-однозначно сопоставляется число из некоторого интервала множества действительных чисел. В литературе по исследованию операций очень часто показатель называют критерием, хотя они имеют совершенно разное смысловое наполнение [10; 22; 23], при этом показатели делят на качественные и количественные.

Качественные показатели описываются только двумя значениями: все результаты, приводящие к успеху, считаются одинаково хорошими, точно также как все результаты, не обеспечивающие этого, полагаются одинаково неудовлетворительными. Кажущаяся их простота, тем не менее, весьма обманчива, поскольку базируется на необходимости предварительного весьма трудоемкого обоснования численного значения границы или порогового значения такого показателя, относительно которого и делается это внешне простое заключение. Ошибка в определении такого порогового значения может привести к самым негативным последствиям.

Количественные показатели, на первый взгляд, дают возможность оценивать точными методами различные варианты полученных результатов оценки с точки зрения достижения поставленной (выбранной) цели и сформулированных для ее достижения задач, которые устанавливаются исследователем и могут быть самыми разнообразными, что не позволяет по этой причине выработать единое объективное мнение. Использование количественного показателя позволяет сравнивать по нему в статике исследуемые объекты, которых должно быть, по крайней мере, не менее двух, при этом имеют место три возможных случая: объект имеет большее значение количественного показателя, чем другой объект; объект имеет меньшее значение количественного показателя, чем другой объект,

оба объекта имеют одинаковое значение количественного показателя, что приводит к неопределенности, которую еще надо было как-то раскрывать.

По этой причине, несмотря на то, что информационная безопасность по оценкам разрабатывающих ее специалистов находится в РФ на очень высоком уровне, перечисленные недостатки гомоморфных моделей и применяемого для оценки их успешности критериального метода определяют необходимость выявить при оценке качества рассматриваемой Доктрины, прежде всего, ее категориальные противоречия. Они являются составной частью категориально-структурно-системного метода [12; 11; 13], который как раз и состоит в выявлении для установленного множества внешних и внутренних возмущений четырех видов возможных противоречий:

- на категориальном уровне, позволяющем вскрывать несоответствие общепринятого смыслового наполнения его фактическому изложению, поскольку, по мнению Д. И. Писарева, «неправильность употребления слов ведет за собой ошибки в области мысли и потом в практике жизни»;
- морфологическом, позволяющем выявлять внутренние присущие ему статические противоречия, которые могут иметь место между его функциональной и организационной структурами;
- системном, позволяющем выявлять внутренние присущие ему динамические противоречия, которые проявляются только во взаимодействии составляющих его элементов друг с другом;
- системном, позволяющем выявлять внешние присущие ему динамические противоречия, которые проявляются только во взаимодействии его как целостного объекта с другими целостными объектами и их устранении.

Прежде всего, имеет смысл обратить внимание на то, что в разделе «I. Общие положения» категория «доктрина» получила свое дальнейшее развитие и была определена, как отмечалось выше, уже как «система официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности РФ

в информационной сфере», при этом «официальные взгляды» в рамках реализуемого правления признавались единственно верными, поскольку иных «взглядов» при такой постановке в этих условиях в принципе и быть не могло. Кроме того, еще фон Бергаланфи категорию «система» определил как «совокупность связанных в единое целое, взаимодействующих элементов» [25, С. 23 – 82], где именно взаимодействие определяет появление у системы целостных (эмерджентных) свойств, которые отсутствуют у ее отдельных элементов и их простой суммы. Поэтому отсутствие смыслового наполнения понятия «официальный взгляд», отношений между такими «официальными взглядами», а также характера взаимодействия между такими элементами делает фразу «система официальных взглядов» полностью неопределенной.

Оставив без определения категорию «информация», под которой сегодня понимают «сообщения, осведомляющие о положении дел» [23, С. 213] и которая оценивается количеством энтропии, авторы доктрины определили «информационную сферу» в виде некоторой произвольной совокупности, куда они включили «совокупность информации, объекты информатизации, информационные системы, сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»), сети связи, информационные технологии, субъекты, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений», включающих в себя «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности², на средства производства, составляющих их основу, а также отношения обмена, распределения» [26, С. 8]. Однако отсутствие описания отношений между такими элементами делает эту «информационную сферу» всего лишь простым набором, лишенным структуры как таковой.

В качестве определяющего понятия авторы Доктрины выбрали «национальные интересы РФ

² Вставлено нами.

в информационной сфере», под которыми они понимают «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы».

Однако в переводе с французского категория «нация» всегда означала «народ, язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком» [7, С. 410.], а потому в таком понимании к «личности» и к «государству» прилагательное «национальные» отношения не имеет. С другой стороны, хотя на сегодня категория «нация» стала означать «исторически сложившуюся общность людей, возникающую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявившегося в общности культуры», а также «страна, государство» [23, С. 328], тем не менее, уже в таком понимании к «личности» прилагательное «национальные» также отношения не имеет. Кроме того, понятие «интерес» трактуется как «польза, выгода, прибыль» [7, С. 41], а «потребность» определяется как «нужда, надобность, потреба, иногда в общем, отвлеченном значении» [8, С. 292] и по этой причине понятие «интересы» не может выражаться через понятие «потребности».

Наконец, следует заметить, что «специальные организованности» общества типа «государство», «реформирование в рамках государства», «глобализация» [14, С. 18], которые с легкой руки Аристотеля, всегда «уравновешивали» антагонистические интересы общества и выделившейся из него предприимчивой части (рабовладельцев, феодалов, капиталистов, партийно-бюрократический аппарат при социалистическом строе, капиталистов и властный бюрократический аппарат в постсоциалистический период) [14, С. 50–72], обеспечивая тем самым гармонизацию их антагонистических интересов, во все времена выполняли три основные макрофункции:

- обеспечивали предприимчивой части общества получать прибыль за счет большинства;
- поддерживали жизнедеятельность большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли;

- стабилизировали такую ситуацию в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества сразу же наступит всеобщее благоденствие, а потому «национальные интересы», безусловно, должны определяться, прежде всего, интересами предприимчивой части общества.

Ключевым элементом в Доктрине стала такая категория как «информационная безопасность». Под ней авторы доктрины предложили понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие РФ, оборона и безопасность государства».

Однако безопасность и издревле, и в настоящее время всегда означала «отсутствие опасности, т. е. «способности вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье» [25, С. 372], сохранность, т. е. «сохранение в полной целостности; отсутствие повреждений» [25, С. 602], [6, С. 105]. Она всегда обеспечивалась, прежде всего, посредством охраны, которая должна осуществляться при отсутствии нападения и быть направлена на предотвращение «объективно существующей возможности негативного воздействия на них, в результате которого им может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий их состояние, придающий их развитию нежелательную динамику или параметры» [4, С. 91–94], а при наличии нападения – посредством «обороны», которая всегда означала «защищать, закрывать, заступать собой, ограждать, отбивать нападение, отражать, не давать в обиду, отстаивать» [7, С. 507] или «защиты» – способность «оберегать, оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду, закрывать, загроживать» [6, С. 595], что говорит об их полной тождественности. Отсюда следует, что в условиях мирного времени, угрожаемого периода и военного времени должно иметь место оптимальное сочетание охраны и обороны (защиты) интересов и общества, и его предприимчивой

части соответствующими силами и средствами государства, обеспечивающего тем самым национальную безопасность РФ и в информационной сфере» [25].

Далее, п. 5 Доктрины утверждает, что она «является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ» и, по сути, должна «решать вопросы перспективного развития» [26]. Однако решение «вопросов перспективного развития» обычно обеспечивается функцией «прогнозировать», которая позволяет на вероятностном уровне на основании имеемых сил и средств определить будущее по известному прошлому конечному или бесконечному. Тем не менее, сегодня безапелляционно считается, что, с одной стороны, «стратегическое планирование – это одна из функций стратегического управления (по сути, правления)³, которая представляет собой процесс выбора целей организации и путей их достижения, обеспечивает основу для всех управленческих решений» [5] при реализации правления членами организации, при этом функции организации, мотивации и контроля ориентированы на выработку стратегических планов» [5], а, с другой стороны, под «стратегическим планированием» понимают «управленческий процесс создания и поддержания стратегического соответствия между целями фирмы, ее потенциальными возможностями и шансами» [3, С. 564].

Изложенное позволяет заметить, что здесь, прежде всего, «стратегическое планирование» выступает составной частью не функции «управлять», в основе которой лежит общепринятый принцип обратной связи, а функции «править», которая представляет собой составную часть «менеджмента» именно организации, являющегося всего лишь частным случаем функции «управлять» и имеющим сущность функции «регулировать» без обратной связи. Кроме того, функция, которая в общепринятом понимании определяется как «некоторое направленное воздействие», несомненно, должна выражаться глаголом, но только в менеджменте она определяется именем существительным [15, С. 78–84], что никак не соответствует общепринятому пониманию функции.

В то же время, общепринято, что «стратегия» греч. буквально определяется как «наука войны, учение о лучшем расположении и употреблении всех военных сил и средств» [9, С. 182], а «планировать» означает «составлять план лат., т. е. предприятие, намерение, обдуманное предположение, порядок действия для достижения чего-либо» [8, С. 102], развития чего-нибудь» [23, С. 425]. Отсюда следует, что функция «спланировать на стратегическом уровне» может означать только одно: «распределить имеемые силы и средства для достижения сформулированных целей и решения с учетом реальных условий поставленных для их достижений задач на заданном временном интервале» [15, С. 226–233].

В разделе «II. Национальные интересы в информационной сфере» вне зоны внимания авторов Доктрины очередной раз оказались интересы предприимчивой части общества, которые собственно и обуславливают «фактор ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества». Тем не менее, хорошо известно, что определяющим механизмом сочетания антагонистических интересов общества и его предприимчивой части всегда являлись так называемые «демократические институты», реализующие «обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина». Однако категория «демократия» (др.-греч. *δημοκρατία*) буквально означает «власть народа» и происходит от др.-греч. слова *δῆμος* – «народ» и *κράτος* – «власть», и как всякая власть должна базироваться на объектах собственности, от которых носитель власти – народ оказался полностью отторгнут. Такой «механизм взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа РФ» вызывает серьезные сомнения. Это полностью подтверждает практика, когда «культурные, исторические и духовно-нравственные ценности многонационального народа РФ» активно передаются в частную собственность предприимчивой части общества, на которую одновременно с извлечением прибыли возлагается еще и обязанность обеспечить их сохранность.

³ Вставлено нами.

Наиболее ярким «официальным взглядом на обеспечение национальной безопасности РФ в информационной сфере» следует признание выделенного в п. 9 раздела «III. Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности» сложившегося «состояния информационной безопасности в области науки, технологий и образования», которое, по мнению авторов Доктрины, «характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности, а также низкой осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности». Эта констатация напоминает «глас вопиющего в пустыне», поскольку признание такого факта говорит о том, что на этом важнейшем участке авторы Доктрины не сумели проанализировать новые, уже полученные научные результаты.

Прежде всего, следует отметить, что Доктрина «обеспечивает информационную безопасность общественных отношений», которые сегодня, как уже отмечалось, включают в себя «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности⁴, на средства производства, составляющих их основу, а также отношения обмена, распределения» [26, С. 8]. Однако при использовании общепринятого морфологического представления, в основе которого лежит понятие «структура», представляющая собой совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений между ними, собственность принципиально перестает определяться или как совокупность объектов собственности, или как отношения собственников и несобственников к объектам собственности: собственность выступает как некий сложный объект, включающие в себя объекты собственности, субъекты собственности, и соответственно отношения и правоотношения собственников и несобственников к объектам собственности, а также соответственно отношения и правоотношения между собственниками и несобственниками по поводу

образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения объектов собственности и иные отношения [16]. Такой подход позволяет отказаться от рассмотрения информационной безопасности «собственности (присвоения), а также отношений обмена, распределения» [26, С. 8] и в совершенно ином ключе рассматривать информационную безопасность объектов собственности, субъектов собственности, и соответственно отношений и правоотношений собственников и несобственников к объектам собственности, а также соответственно отношений и правоотношений между собственниками и несобственниками по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения объектов собственности и иных отношений. Налицо принципиально иные объекты исследования и обеспечения информационной безопасности, а значит и иной перечень «основных информационных угроз».

«Недостаточная эффективность научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий», дополняется «недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности», являющейся составной частью национальной безопасности. Так, реализуя свои сиюминутные интересы, руководство крупнейшего ВУЗа Санкт-Петербурга «Политех» просто закрыло перспективнейшую кафедру «Национальная безопасность», уничтожило ее научный потенциал и прервало подготовку высококвалифицированных специалистов в сфере именно национальной безопасности. Более того, профессорско-преподавательскому составу кафедры национальной безопасности было объявлено, что руководство «Политеха» вообще не понимает, что такое «национальная безопасность». Уволенный «за ненадобностью» по сокращению штатов профессорско-преподавательский состав кафедры Национальная безопасность со своими школами был заменен новым деканом, который, являясь действительно выдающимся специалистом в области разработки бронезелетов и директором соответствующей организации, стал

⁴ Вставлено нами.

уделять внимание факультету 1-2 раза в неделю, получая за такую работу зарплату в полном объеме. Отсюда расширение аппарата правления факультета, который успешно выполняет функции этого декана, получая за такое выполнение соответствующую зарплату.

При таком практическом повышении «эффективности научных исследований» ... и указанном «кадровом обеспечении» информационной безопасности пожелания п. 18 Директивы оказываются в принципе неосуществимыми.

В заключительном п. 19 Доктрины преднамеренно делается акцент на «состояние информационной безопасности в области стратегической стабильности». Действительно, все ранее разработанные теоретические концепции и достигнутые научные результаты, прежде всего, исходили из стабильной направленности социально-экономической сферы. Под ней обычно понимается общество, отношения в нем [29], связанные с деятельностью, которая обеспечивает создание материальных благ, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей людей. Именно по этой причине вообще не учитывалась реальная меняющаяся среда хозяйствования, а тем более ее модели и связь с ними [18, С. 110–129; 22, С. 84–89; 23, С. 16–26]. В условиях общепринятой стабилизации, которая является весьма грубым отображением реальных меняющихся условий, ученые до настоящего времени применяют лишь известные модели общественно-экономической формации [1, С. 29–37; 2] в основе которых лежат два сущностных признака: собственность как отношение собственников к объектам собственности как к своим и соответственно отношение всех других лиц к ним как к чужим, не принадлежащим им [22, С. 479] и стабильность. Указанные модели по настоящее время без всякого анализа на их применимость обеспечивают жизнедеятельность общества через обогащение его предприимчивой части, поддержание жизнедеятельности большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизацию такой, которая в конечном итоге вылились в идею создания правового государства [18]. Это привело в РФ к использованию для некриминального правового обеспечения указанных выше

общественных отношений преимущественно гражданско-правовых отношений, а также к уравниванию в их рамках права собственности с сознательно введенными другими вещными правами (правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления, вещным правом на землю и т. п.), и как следствие – превращение РФ, ее субъектов и муниципальных образований в фактических юридических лиц, занимающихся извлечением прибыли.

Наконец, в разделе «IV. Стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности» констатируется, что «стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз...». Действительно по определению цель означает «конечное желание, стремление, намерение чего кто силится достичь» [9, С. 375] и в контексте п. 20 Доктрины связывается именно «жизненно важными интересами личности, общества и государства». Однако отсутствие научных исследований, охватывающих всю палитру правового обеспечения отношений в обществе при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования естественно сказалось на обеспечении информационной безопасности. Ее можно объяснить, по крайней мере, двумя основными причинами.

Первая из них состоит в том, что в условиях стабильной направленности социально-экономической сферы право считалось порождением экономики (по сути, хрематистики, которая по замыслу предприимчивой части общества должна была обеспечить после ее обогащения благоденствие остальной большей его части, при этом право, регулируя общественные отношения, направляло свои усилия на стабилизацию именно такой ситуации. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое не опровергло бы само себя в силу внутренних противоречий».

Второй причиной не разработанности на-

званной темы являются попытки ряда ученых строить Доктрины–теории, являющиеся «умозрением, умозаключением; заключением, выводом из чего-либо...» и представляющие собой своего рода модели, вообще без указания сущностных признаков, которые должны лежать в их основе. Это привело к тому, что, например, право собственности оказалось равнозначным с точки зрения его правового использования с иными вещными правами, вне моделирования меняющихся условий хозяйствования и в отрыве от экономической теории и других наук.

Сложившаяся коллизийная ситуация базируется и исходит только из применяемых сегодня «официальных взглядов», которые, выступая первообразными, определяют существо права в целом и его отраслей как производных от них, обеспечивающих, в частности, только разомкнутое или программное (без обратной связи) правовое регулирование указанных общественных отношений с целью их стабилизации и определяют, исходя из факта их стабильности, соответствующие содержание и форму деятельности органов правления. Это полностью обуславливается принятой в указанных теориях аксиоматикой общественных отношений, которая на параметрическом уровне определяется только отношением субъектов права к праву, когда права относительны, обязанности абсолютны при фактическом отсутствии ответственности, не являющейся сегодня даже элементом правоотношения.

Результатом такого подхода к материализации фактической множественной палитры правового положения собственников и несобственников при реализации ими, в том числе и гражданского оборота, стал весьма высокий уровень неопределенности в формировании эффективных правовых режимов обеспечения в том числе и информационной безопасности. Такое существующее и не учитываемое в фактически меняющихся условиях хозяйствования рассогласование между причиной и следствием неотвратимо приводит к весьма значительным и неизбежным потерям при обеспечении национальной безопасности в целом, открывает возможность, в частности, для РФ, ее органов правления и социальных институтов заниматься

извлечением прибыли или самостоятельно, или через специально создаваемые организации, наделенные правами юридического лица, что и создает материально-правовую основу для коррупции, казнокрадства и взяточничества.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время применительно к реальным меняющимся условиям хозяйствования недостаточно разработана теоретическая и методологическая основа информационной безопасности как составной части национальной безопасности [24], которая должна охватывать весь спектр отношений в обществе.

Список литературы

1. *Абрамович А. М.* Право и социально-экономическое развитие страны // *Беларуская думка*. – 1997. – № 7. – С. 29–37.
2. *Бабосов Е. М.* Основы идеологии современного государства. – Минск: Амалфея, 2004. – 351 с.
3. *Багиев Г. П., Тарасевич В. М.* Маркетинг: учебник для вузов. – СПб: Питер, 2010. – 3-е изд. – С. 564.
4. *Бельков О. А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // *Безопасность*. – 1994. – № 3. – С.91–94.
5. Википедия.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2: И – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 672 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П – Р. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
10. *Дасунта А.* Критерии принятия решений и сбалансированное развитие // *Rev. Econ.Studies*. – 1964. – 31. – № 86.
11. *Домаков В. В.* Антропологические аспекты проблемы управления социально-экономическим развитием в условиях глобализации и реформирования. – СПб: Изд-во СПбГПУ, 2005. – 377 с.

12. *Домаков В. В.* Диалектика на этапе реформирования российской экономики. – СПб: Изд-во СПбГПУ, 2004. – 208 с.
13. *Домаков В. В.* Методология комплексирования информационно-технических средств загоризонтной радиолокации. – СПб: ВАС, 2005. – 365 с.
14. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака – собственности. – СПб: Стратегия будущего, 2014. – 283 с.
15. *Домаков В. В.* Философские аспекты управления социально-экономической сферой в меняющихся условиях хозяйствования. – СПб: Стратегия будущего, 2012 – С. 78–84.
16. *Домаков В. В., Матвеев В. В.* Характеристика социально-экономической сферы и ее отображение в теориях возникновения государства // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014 – № 2(6) – с. 62-72.
17. *Кин Джон.* Гражданское общество и государство: новые европейские перспективы // Актуальные проблемы правоведения за рубежом. / АН СССР. – М., 1990. – Вып. 2. – С. 110–129.
18. *Козлихин П. Ю.* Идея правового государства. История и современность. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1993. – 151 с.
19. *Лейбович Д.* Некоторые соображения о выборе критериев эффективности // Operations Research. – 1958. – № 1.
20. *Лукьянова Е. Г.* Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 84–89.
21. *Мак Кин Р.* Проблема критериев / Efficiency in Government Through Systems Analysis. – New York, 1958.
22. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1968. – 559 с.
23. *Марцинкевич В. И.* Национальная модель социально-экономического развития (концепция и структура) // Мировая экономика и международные отношения, 2001. – № 1. – С. 16–26.
24. *Матвеев А. В., Матвеев В. В.* Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014 – № 1(5) – с. 3-20.
25. *Матвеев А. В., Матвеев В. В.* Системно-кибернетический подход к определению понятия «безопасность» // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015 – № 1(9) – с. 18-26.
26. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
27. Основы теории управления: Учеб. Пособие / Под ред. В. Н. Парахиной и Л. И. Ушвицкого. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 560 с.
28. *Фон Берталанфи Л.* Общая теория систем – критический обзор / В кн. Исследования по общей теории систем // Сборник переводов. – М: Прогресс, 1969 г. – С. 23–82.
29. Политическая экономия. Учеб. пособие для школ марксизма-ленинизма [руковод. авт. колл. А. Н. Малофеева, Ю. В. Яковец] – М.: Изд-во Политической литературы, 1967. – 367 с.
30. *Свидерский В. И.* О диалектике отношений. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 137 с.